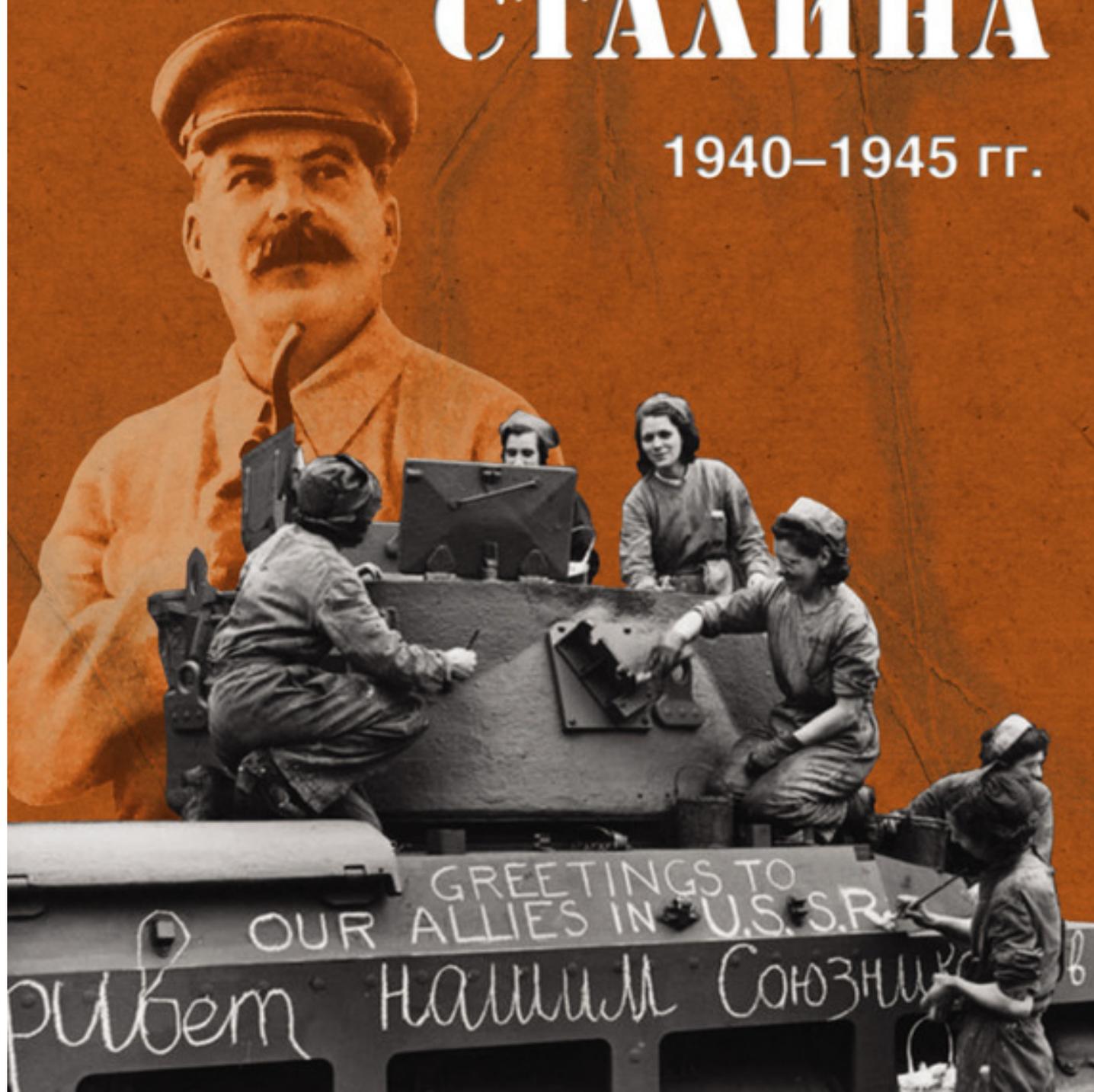

**ВОЕННЫЙ
АРХИВ**

Алексей
ЧИЧКИН

НЕИЗВЕСТНЫЕ СОЮЗНИКИ СТАЛИНА

1940–1945 гг.

Военный архив

Алексей Чичкин

**Неизвестные союзники
Сталина. 1940–1945 гг.**

«ВЕЧЕ»

2012

Чичкин А. А.

Неизвестные союзники Сталина. 1940–1945 гг. / А. А. Чичкин — «ВЕЧЕ», 2012 — (Военный архив)

В настоящей книге рассматриваются малоизвестные факты сотрудничества СССР со многими государствами, народами и национально-освободительными движениями в годы Второй мировой войны. Показана важная роль многих государств, в том числе малых стран Европы, в противодействии нацистской агрессии против СССР и ряда других стран, в укреплении военно-политических и экономических позиций Советского Союза, как и всей антифашистской коалиции в разных регионах мира. Кроме того, рассказывается о забытом антинацистском сопротивлении в ряде стран – союзниц Германии. Особый интерес представляет описание отношения некоторых политических деятелей и деятелей культуры к личности Сталина.

© Чичкин А. А., 2012

© ВЕЧЕ, 2012

Содержание

Предисловие	6
Норвегия не стала союзником Маннергейма	8
Балканский пролог	10
Придунайская Брестская крепость	14
Иранский мост Победы	18
«Антанта» с турецкими армянами и курдами	22
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Алексей Чичкин
Неизвестные союзники
Сталина. 1940–1945 гг.

©Чичкин А.А., 2012

©ООО «Издательство «Вече», 2012

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие

В годы Второй мировой и Великой Отечественной войн очень многое зависело от политики и позиции государств, которые какой-то период были формально нейтральными и объявили войну фашистскому блоку ближе к окончанию военных действий на разных фронтах. Или оставались нейтральными вплоть до капитуляции Германии и Японии. Но эта тематика по сей день остается, можно сказать, в тени историографических, экономико- и военно-политических исследований того периода общемировой, в том числе советской истории.

Между тем, к примеру, нейтралитет Швеции в 1939–1945 гг. или Норвегии в период советско-финляндской войны далеко не в последнюю очередь способствовал, соответственно, как ограничению военных возможностей Германии и Финляндии на советско-германском фронте, особенно на северо-западе теперь уже бывшего СССР, так и предотвращению эскалации советско-финляндского конфликта в «коллективную» агрессию против СССР.

А, например, роль дружественного СССР и его союзникам, хотя формально нейтрального до 1943 г. Ирана в обеспечении союзнических поставок в СССР вообще трудно переоценить. Как и роль Ирана в сдерживании агрессивных прогерманских планов Турции в тот период. Схожая роль по тем же позициям принадлежит Ираку в тот период.

В свою очередь, важное значение для укрепления ближне- и средневосточного тыла всей антифашистской коалиции и, соответственно, южного тыла СССР имел дружественный антифашистскому блоку нейтралитет Афганистана и Йемена. Немаловажную лепту в разгром фашизма внесла и политика нейтральных стран – Швеции, Исландии, Португалии. А, к примеру, военная и особенно экономическая помощь независимой в тот период Тувы Советскому Союзу была, как и экономическая помощь Монголии, должным вкладом в укрепление обороноспособности СССР. Свою лепту в оказание поддержки как СССР, так и всей антифашистской коалиции внесли и западноафриканская Либерия, а также Бразилия, Аргентина, Уругвай.

Плюс к тому нейтралитет Болгарии и мужественное сопротивление Югославии и Греции фашистским агрессорам отсрочили более чем на полтора месяца фашистскую агрессию против СССР. В этой связи отметим, что, во-первых, иезуитская политика Великобритании и схожая политика Турции весной 1941 г. помешала Советскому Союзу оказать непосредственную военную помощь борющейся Югославии. А во-вторых, – в июне – августе 1941 г. была реальная возможность, с использованием нейтралитета Болгарии и развитием успехов советских войск на черноморско-дунайско-молдавско-румынском направлении, нанести сокрушительный удар по агрессорам с юга и, вероятно, остановить фашистское нашествие против СССР. Но эта возможность, увы, была почему-то упущена...

Союзническую помощь СССР оказывали также Канада, Южно-Африканский Союз (ЮАС), причем ВВС ЮАС с британских баз в Средиземноморье участвовали в одной из операций Красной армии на юго-востоке Польши в 1944 г.

В свою очередь, более активное взаимодействие СССР с курдскими и армянскими организациями в Турции было весомым фактором, сдерживающим турецкое участие в германской агрессии против Советского Союза. Определенную роль сыграло и движение Сопротивления в Австрии, а также в Венгрии – последней союзнице фашистской Германии. Это движение со второй половины 1950-х гг. ввиду политических факторов замалчивалось не только в Венгрии, но и в СССР.

В свою очередь, союз с Шарлем де Голлем и «Сражающейся Францией», которую он возглавлял, усилил военно-политические позиции СССР и, в частности, оказал сдерживающее влияние на планы японской агрессии против СССР (и Австралии) в военные годы.

Кроме того, и в Испании, а также в Прибалтике было антифашистское сопротивление, что уже не первое десятилетие замалчивается в ныне суверенных странах Балтии. А малочис-

ленный крымский народ – караимы – был и остается преданным России: в годы очень многих войн России с иностранными агрессорами, включая Великую Отечественную, караимы, как и советские курды, всегда были в рядах защитников Российской империи и Советского Союза. Да и сегодня караимы противодействуют крымско-татарским шовинистам в Крыму.

Мало кто знает и о том, что даже «карликовые» страны Европы оказывали посильную помощь антигитлеровской коалиции, в том числе СССР и движению Сопротивления в ряде стран.

Все эти события и факторы 1939–1945 гг., с привлечением интереснейших и, одновременно, малоизвестных документов и материалов, впервые собраны воедино и подробно рассматриваются в предлагаемой книге. Поэтому она наверняка будет интересна широкой читательской аудитории.

Норвегия не стала союзником Маннергейма

Советско-норвежские отношения, особенно после захвата Германией литовской Клайпеды и всей Чехословакии в марте 1939 г., развивались с учетом надвигающейся общеевропейской войны. И, конечно, ухудшающихся взаимоотношений СССР с Финляндией.

Советская сторона неоднократно заявляла и давала понять Норвегии и Швеции, что не имеет претензий на соседний северонорвежский Финнмарк и что возможный советско-финляндский конфликт обусловлен отказом Хельсинки пойти на территориальный размен с СССР. Если точнее – для укрепления своей безопасности на Северо-Западе Европы Москва предлагала Финляндии несколько отодвинуть границу от Ленинграда (его от Финляндии отделяли лишь 30 км) и Мурманска (от него до Финляндии было только 20 км). А взамен СССР предлагал финской стороне территориальные компенсации в большем размере – в приграничных районах Карело-Финской ССР.

По некоторым данным, уже в тот период был предварительно разработан проект железной дороги из Мурманской области в Финнмарк (к Киркенесу), около 50 км. Причем через принадлежащий тогда Финляндии приарктический портовый район Петсамо. Это бывший русский (российский) регион Печенга, основанный русскими еще в XVI веке, но переданный Финляндии в начале 1920-х гг. (чтобы исключить ее участие в антисоветских комбинациях Антанты в тот период). Благодаря чему она получила выход к Баренцеву морю и Арктике. По архивным данным, СССР был заинтересован в рыбопромысловом и транспортном сотрудничестве с Норвегией, как и в ограждении этой страны, включая Шпицберген и Ян-Майен, от возможных военных действий между Германией и британско-французским блоком. По воспоминаниям советского посла в Швеции А.М. Коллонтай (в 1930–1945 гг.), которую часто инструктировал лично И.В. Сталин, ставилась задача убедить Швецию, Норвегию и Данию в том, что СССР заинтересован не только в общескандинавском нейтралитете, но и в развитии долгосрочного сотрудничества СССР с этими странами, а также в оказании, если потребуется, им помощи в сохранении их территориальной целостности (кстати, А.М. Коллонтай была советским посланником в Норвегии в 1923–1925 и 1927–1930 гг.).

В частности, советская сторона информировала власти и деловые круги Норвегии и Швеции весной 1939 г. о своей заинтересованности в большем импорте оттуда разнообразного оборудования и сельскохозяйственных технологий. При этом советские представители отмечали, что именно Скандинавские страны – первыми из «западных» установили экономико-политические отношения с СССР и что именно скандинавская гуманитарная помощь спасла от голодной гибели Петроград в 1919–1920 гг. Активная советская политика в этих вопросах привела к росту объемов торговли Норвегии и Швеции с СССР с осени 1939 г. В том числе к росту экспорта скандинавского оборудования в Советский Союз. Но англо-французская коалиция всячески стремилась вовлечь Норвегию (как и Швецию) в антисоветские «комбинации», в том числе с участием Германии. И особенно – вынудить Норвегию к военной поддержке Финляндии в ходе советско-финляндского военного конфликта (подробнее см., например: Danielsen Egil. Norge – Sovjetunionen. Norges utenrikspolitikk overfor sovietunionen 1917–1940. Oslo, 1964). Так распространялась дезинформация, в том числе из Финляндии, Франции и Германии, что СССР якобы хочет прибрать к рукам Финнмарк, Шпицберген и даже свергнуть норвежскую монархию. Причем такие действия осуществлялись на фоне переговоров СССР с Великобританией и Францией, начатых с мая 1939 г., о совместных военных действиях против Германии и ее союзников. А эти переговоры инициировали Лондон и Париж...

Но ухудшить норвежско-советские отношения не удалось, и Норвегия, вопреки внешнему давлению на нее, воздержалась от вмешательства в советско-финляндский конфликт на стороне Финляндии. Как и от сокращения торговли с СССР в первом полугодии 1940 г., что ей

настойчиво советовали Лондон и Париж. То есть до ее оккупации Германией и, мягко говоря, оборонительных действий британских и французских войск в Норвегии против германских войск в апреле – мае 1940 г.

Балканский пролог

Которое десятилетие в мире массово тиражируются пропагандистские клише не только о пресловутом «сговоре» СССР с нацистской Германией 1939 г., но и о том, что Советский Союз в первом полугодии 1941 г. якобы потворствовал фашистским агрессорам. Однако опубликованные документы, касающиеся советской внешней политики того периода, например, по отношению к Югославии, подвергшейся германо-итальянской агрессии в начале апреля 1941 г., и к возможному югославско-британскому военному союзу, позволяют утверждать обратное: и оккупации Балкан, и, вероятно, даже Великой Отечественной войны можно было избежать.

При условии, что Великобритания стремилась бы оказать реальную военную помощь Югославии и Греции и пошла бы на военно-политический союз с СССР. Очень похоже, что уже тогда Великобритания хотела ускорить германскую экспансию против СССР, потому и не оказала военной помощи Югославии, уже в начале фашистского наступления заявив, что такая помощь запоздала.

Тем временем, 5 апреля 1941 г. СССР, вопреки «рекомендациям» из Берлина и Рима, в ходе визита в Москву правительственной делегации во главе с генералом Душаном Симовичем подписал с Югославией 5-летний договор «О дружбе и ненападении». Как известно, в конце марта Д. Симович со своими сторонниками сверг в Белграде профашистский режим Цветковича, новая власть сразу перешла к политике тесного сотрудничества с СССР. Поэтому еще в канун визита югославской делегации в Москву Гитлер утвердил директивы «Марита» и «25» – о вторжении Германии и ее союзников в Грецию, Югославию и о последующем расчленении югославского государства. И 6 апреля началось вторжение в Югославию, а 7-го – в Грецию.

Напомним: присоединение Югославии к пресловутому «Антикоминтерновскому пакту» Германии, Италии и Японии 26 марта 1941 г. (документ подписал премьер-министр Цветкович) вызвало бурю негодования и в Югославии, и в Греции, воевавшей с осени 1940 г. с Италией. Всю Югославию охватили забастовки, возникла угроза распада страны, армия фактически вышла из повиновения властям. От Словении до Македонии появились огромные плакаты «Боле рат, него пакт» («Лучше война, чем пакт») и «Боле гроб, него роб» («Лучше в гробы, чем в рабы»), «Цветкович – предатель славян!» и т. п.

Сомнение в целесообразности участия Белграда в упомянутом пакте публично выразил принц-регент Павел. В такой ситуации группа патриотически настроенных военных свергла профашистское правительство Югославии и сразу, повторим, взяла курс на сотрудничество с СССР, а также с Великобританией. Было также заявлено о югославской военно-политической помощи борющейся Греции. Естественно, коренное изменение обстановки на Балканах, особенно в Югославии, привело к тому, что Берлин и Рим решили немедленно начать вторжение на югославскую территорию. Этому способствовало также требование нового югославского правительства к Италии (2 апреля) возвратить Югославии адриатический портовый район Задар (на хорватском побережье Адриатики), захваченный Италией в 1919 г.

Что касается подписанного 5 апреля советско-югославского договора, то он предусматривал, в частности: «...Если одна из договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны третьего государства, то в отношении этой стороны другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать дружественную политику по отношению к ней» (ст. 2). Именно такую линию в отношении Югославии проводил СССР с того же 5 апреля, причем Москва была, подчеркнем, за военный союз Югославии с Великобританией, то есть тройственный антифашистский блок фактически мог быть создан уже в начале апреля 1941 г. Если бы не капитулянтская позиция Лондона.

Между тем югославские дипломаты в Румынии, Турции и СССР в марте – апреле сообщали советским представителям, что Германия и ее сателлиты вскоре обрушатся на Советский

Союз и один из главных ударов будет нанесен с Балкан, прежде всего из Румынии. Но до этого «им» надо полностью овладеть Балканами (подробнее см., например: «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне». М.: Воениздат, 1972). Вполне логично, что СССР был за военно-политический союз Югославии и Греции с Великобританией и ее доминионами. Именно такой союз, с учетом советско-югославского договора о дружбе и ненападении, мог бы трансформироваться бы в четырехсторонний антифашистский блок.

Первый замнаркома иностранных дел СССР А.Я. Вышинский 5 апреля в беседе с послом Югославии в Москве М. Габриловичем заявил: «...Мы не против, чтобы Югославия сблизилась с Англией и со всеми государствами, которые могут помочь Югославии. Мы не исключаем, что Югославия заключит соглашение с Англией: мы считали бы это целесообразным» (см., например: «Документы внешней политики СССР: 1940—22 июня 1941 г.». М.: МИД РФ, 1998, т. 23, кн. 2, часть 2, с. 532). И уже 8 апреля начались поставки Югославии стрелкового и легкого артиллерийского оружия из СССР через Грецию и британский Кипр, началась подготовка танкистов и военных летчиков для борющейся Югославии. Великобритания и ее доминионы (Канада, Австралия, Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз) заявили о солидарности с Югославией и Грецией, хотя и без упоминания о конкретной военной помощи Белграду и Афинам. Казалось бы, почва для мощного антифашистского военно-политического союза создана, но...

В беседе 16 апреля посла СССР в Великобритании И. Майского с британским министром иностранных дел А. Иденом последний дал понять, что реальной военной помощи Югославия со стороны англичан и их доминионов не получит. Разве что будет оказана помощь Греции. Как заявил Иден, «мужество и боеспособность греков заслуживают восхищения», но... «я не уверен в способности англо-греческих сил отразить или на длительный срок задержать германское наступление на Балканах...». При этом Иден, согласно донесению Майского наркому иностранных дел В.М. Молотову, подчеркнул, что он, с одной стороны, «очень рад, что СССР выразил желание снабжать Югославию оружием, а англичане будут всячески содействовать его доставке». Но, с другой, — «не поздно ли уже это делать?»...

Как подытожено в том донесении, из всего изложенного Иденом вытекало, что он со дня на день ожидает сообщения о ликвидации югославского сопротивления.

Тем не менее СССР, ожидая действенной британской военной помощи Югославии, увеличил в первой половине апреля советский военный контингент на границе с Румынией, в том числе советский военный флот в приграничном секторе Дуная (в дельте и нижнем течении). Напомним, что Румыния с Венгрией и Болгарией участвовали, можно сказать, в растерзании Югославии. С 8 по 10 апреля СССР дважды предлагал Великобритании и Турции сделать совместное предупреждение Болгарии, поскольку София до 10 апреля не поддавалась германо-итальянскому давлению по поводу ее участия в интервенции. Но Лондон с Анкарой сочли такое предложение «мало результативным» и... «запоздалым».

Здесь будет не лишним подробнее остановиться на том, как Великобритания позволила фашистским агрессорам захватить Югославию, а затем и Грецию. Итак, 3 апреля на греческой железнодорожной станции Кенали (греко-югославская граница) состоялись переговоры главнокомандующего греческими вооруженными силами генерала А. Папагоса, командующего англо-австрало-новозеландско-южноафриканским экспедиционным корпусом генерала Г. Уилсона и начальника оперативного отдела югославского Генерального штаба генерала Р. Янковича. Британская сторона отказалась вводить часть своих сил в Южную Югославию (югославскую Македонию) и не гарантировала постоянного военно-воздушного прикрытия сухопутных и военно-морских сил Югославии (эти предложения выдвинули делегации Югославии и Греции). Из-за такой позиции Лондона трехстороннее военное соглашение не состоялось...

Такие факторы, естественно, развязали руки агрессорам. В течение 5–9 апреля войска Германии, Италии, Венгрии и Румынии захватили треть югославской территории. Греческое

командование предложило британцам поддержать наступление их войск из Центральной Албании в Черногорию, югославскую Македонию и Южную Сербию, направленное на соединение с югославской армией (к тому времени войска Греции, воюющей с Италией с конца ноября 1940 г., освободили южную и часть Центральной Албании – итальянской колонии с середины апреля 1939 г.). Но Лондон отклонил это предложение, и греческие войска вынуждены были отступать.

10–13 апреля, когда британские ВВС покинули воздушное пространство Югославии, войска Болгарии развивали наступление в тылу югославских и греческих войск. В то же самое время советские и британские военные грузы для Югославии начинают скапливаться в портах Греции и британского Кипра. Британцы вообще стали саботировать эти поставки. А бомбардировки британскими ВВС позиций германских и итальянских войск в югославском портовом районе Задар (владение Италии с 1919 г.), на итальянском архипелаге Додеканес (юго-восток Эгейского моря) и в Албании, под предлогом «возросшей военно-воздушной уязвимости британских Кипра и Мальты», были почти прекращены.

В результате настал эпилог югославской трагедии: 14–17 апреля войска Германии, Италии, Венгрии, Румынии и Болгарии захватили 95 % территории Югославии. Американский аналитик У. Ширер отмечал: «Переворот в Югославии вызвал у Гитлера один из самых диких приступов ярости за всю жизнь... Гитлер объявил о самом роковом из всех своих решений: „Начало операции по плану “Барбаросса” придется отодвинуть на более поздний срок в пределах четырех недель“.

Люфтваффе дотла разрушили Белград, в руинах погибло более 17 тыс. человек. Территория страны была оккупирована. Но захват России теперь предстояло осуществить в более короткие сроки...

Эта задержка... оказалась роковой».

А британские войска, отказавшись поддержать греческое контрнаступление вблизи греко-турецкой и греко-югославской границы, эвакуировались: сначала к югу от Афин, затем на о. Крит. В результате греческие войска у границ с Югославией и Турцией были разгромлены. Причем Великобритания не ответила на предложения МИД СССР и Греции о совместном представлении СССР, Великобритании и Греции в адрес Турции по поводу сохранения транзита грузов для Югославии через Турцию. С 15 апреля Анкара запретила такой транзит, а 18 апреля официально капитулировала Югославия. Но накануне, 17 апреля, премьер-министр Греции (с февраля 1941 г.) А. Корицис, заявив об «иезуитстве англичан», покончил жизнь самоубийством (подробнее см., например: Терзич В. Югославија у априлском рату 1941. Титоград, 1963; Culinovic F. Okupatorska podjela Jugoslavije. Beograd, 1970; Никос Захариадис. Преданная Греция. М.: Госполитиздат, 1953; «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во Второй мировой войне». М.: Воениздат, 1972; Энвер Ходжа. Возрождение и развитие Албании. Тирана (рус. яз.), 1974). Ко второй половине апреля Югославия была буквально раздавлена фашистскими агрессорами, а к середине мая – расчленена.

Повторим еще раз: при полном попустительстве со стороны Лондона, но не Москвы. Благодаря британской внешней и военной политике в мае 1941 г. почти то же самое повторилось в Греции. Войска Англии и ее доминионов даже отказались овладеть, в том числе с близлежащего британского Кипра, отдаленным от Италии, но принадлежавшим ей с 1913 г. архипелагом Додеканес на юго-востоке Эгейского моря.

Советская позиция осталась неизменной и после капитуляции Югославии. Примечательна в этой связи беседа А.Я. Вышинского с М. Габриловичем 8 мая 1941 г.: «...Я (Вышинский. – А. Ч.) заявил, речь о признании «Хорватского государства» не идет (его провозгласили Германия и Италия в конце апреля 1941 г. – А. Ч.). Я отметил также, что югославские военные летчики и военные самолеты, которые готовились для Югославии, должны остаться у нас. По международному праву мы должны были их интернировать (на этом настаивали Италия

и особенно Германия. – А. Ч.), но мы готовы их оставить на прежнем основании – под наше честное слово. Габрилович, разволновавшись, поблагодарил за сочувствие и внимание к Югославии...» (там же, с. 662). Впоследствии большинство этих летчиков и самолетов было переправлено в Египет и британскую в тот период Палестину, куда эвакуировались власти Югославии и ее военное командование.

Кроме того, СССР в апреле – мае списал всю задолженность Югославии за поставки ей военных и обычных торговых товаров и за отсутствие с 8 апреля 1941 г. югославских поставок в Советский Союз. За это «Габрилович в ходе встречи со мной (Вышинским. – А. Ч.) 2 июня выразил искреннюю благодарность советскому народу и руководству. Он заявил, что видит и чувствует истинное отношение СССР к Югославии. Я ответил, что наши чувства к Югославии остаются неизменными...» (там же, с. 714).

Впрочем, чтобы не провоцировать Германию, уже 3 июня весь персонал греческого посольства в Москве был лишен дипломатической неприкосновенности и 3–4 июня отправлен в Бейрут (столица французского в тот период Ливана)...

Таким образом, весной 1941 г. были вполне реальные шансы не только остановить фашистских агрессоров на Балканах, но и, возможно, предотвратить их вторжение в СССР. Однако британская политика сорвала такой сценарий, фактически стимулируя гитлеровский «Дранг нах Остен».

Придунайская Брестская крепость

Некоторые СМИ стран бывшего СССР уже рассматривали тему замалчиваемых до сих пор сражений и побед советских войск в годы Великой Отечественной войны. Замалчиваемых в основном потому, что, во-первых, ими руководили военачальники, оказавшиеся впоследствии в опале (например, Тимошенко, Тюленев). А во-вторых – ввиду того, что широкое освещение таких сражений и побед ставит под вопрос современную, можно сказать, официальную трактовку военных событий 1941–1945 гг.

В контексте тех «белых пятен» уместен более важный военно-политический вопрос: ПОЧЕМУ не были развиты стратегические успехи советских войск, например, на южно-молдавском, точнее – дунайско-прутском направлении 70 лет тому назад – в июне – июле 1941 г. В тот период была реальная возможность вывести из войны Румынию, основного германского союзника на Южном фронте и поставщика нефти в Германию. И, одновременно, – привлечь Болгарию на сторону СССР и антигитлеровской коалиции в целом. В свою очередь, такое развитие событий вполне могло вынудить Берлин приостановить агрессию против СССР. Но всего этого не произошло, а кто и почему фактически воспрепятствовал такому военно-политическому сценарию – еще предстоит изучить...

Системного изложения побед советских войск в дунайско-прутском регионе как нет, так и не было в советской и нынешней российской военной историографии. Если не учитывать карт военных действий и считанных статей в молдавских и одесских исторических журналах. Да и «лаконичных» экспозиций в исторических музеях Одесской области и Южной Молдавии. А в Музее истории Молдавской ССР и нынешней Молдавии, где в сентябре 2011 г. довелось побывать автору, вообще нет соответствующей экспозиции. Только в последние годы появилось более полное описание тех событий в Википедии. А именно: «...25 июня генерал Егоров Д.Г. возглавил операцию по десантированию на румынской территории. Уже к 26 июня в Румынии был захвачен плацдарм в районе дельты Дуная протяженностью в 76 километров. Румынские войска попытались ликвидировать прорыв, однако это им не удалось». А далее – короткое сообщение о негативном развитии ситуации без объяснения причин: «В итоге (в каком «итоге» и почему? – А. Ч.) советские войска покинули румынскую территорию (самостоятельно. – А. Ч.) в ходе общего отступления в июле».

Правда, там же указывается, что немецко-румынские войска захватили Кишинев только 16 июля, хотя от него до румынской границы – меньше 80 км. Для сравнения: Минск, который был примерно в 200 км от советско-германской границы, агрессоры захватили уже 28 июня...

В качестве преамбулы, – несколько сообщений Совинформбюро 23 июня: «...Румыния предоставила свою территорию полностью в распоряжение германских войск. С румынской территории совершаются не только налеты немецкой авиации на советские города и войска, но и выступления немецких и румынских войск, действующих совместно против советских войск. Неоднократные попытки румыно-немецких войск овладеть Черновцами и восточным берегом Прута кончились неудачей. Захвачены немецкие и румынские пленные».

24 июня: «...Южный фронт: Кораблями Дунайской военной флотилии высажен первый отряд Дунайского десанта в Румынии, на территории Румынии захвачены береговые батареи, нанесен значительный урон, занят плацдарм». Отметим, в этой связи, что только за 22–24 июня на юго-западе Молдавии – у впадения Прута в Дунай – было разгромлено до двух батальонов немецко-румынской пехоты.

Между тем, еще в начале апреля 1941 г., в связи с возможной военной помощью СССР Югославии, была резко усилена группировка советских войск на юге Советской Молдавии и в придунайском регионе Украинской ССР. Уже в тот период планировался комбинированный удар по Румынии с выходом на ее нефтяные регионы и на Бухарест, но в том случае, если

югославская армия и британские войска на Балканах смогут сдерживать натиск войск Германии, Италии, Румынии и Венгрии на югославской территории. И хотя Лондон решил «сдать» сначала Югославию, а потом и Грецию, крупная группировка советских войск в этом регионе продолжала «нависать» над Румынией. Причем эти войска были усилены после фашистской оккупации Югославии и Греции.

Погранвойска Молдавского пограничного округа (начальник – генерал-майор Никольский Н.Н.), 25-я стрелковая дивизия (командир – полковник Захарченко А.С.) 9-й армии Южного фронта и 25-й пограничный полк войск НКВД (командующий – майор Фадеев С.М.) вместе с Дунайской военной флотилией (командующий – контр-адмирал Абрамов Н.О.) приняли на себя основной удар немецко-румынских войск в приграничном с Румынией регионе Кагул – Болград, охватывающем юг Молдавии и Придунайскую Украину. И, подчеркнем, не только удерживали его до 20 июля 1941 г. включительно, но и смогли захватить ряд плацдармов в румынской части дельты Дуная. В тот же период основной черноморский район базирования германских войск – румынский черноморский порт Констанца – вместе со многими дунайским портами Румынии были парализованы успешными действиями Черноморского ВМФ СССР и советской военной авиации.

Еще из сводок Совинформбюро: «27 июня 1941 года на участке 2-й заставы, южнее Ганасени-Ноу (вблизи г. Кагул. – А. Ч.), через р. Прут переправилось две роты немцев, поддержанные артиллерийским и минометным огнем. Но 2-я застава Молдавского пограничного округа совместно с резервной заставой внезапным ударом с флангов и тыла уничтожила около 260 немецких и румынских солдат и офицеров и захватила в плен 27 солдат и офицеров противника... 28 июня 1941 года противник три раза ночью пытался форсировать р. Прут у Кагула. 17-я застава ружейно-пулеметным огнем отбросила до роты противника и воспрепятствовала переправам через р. Прут».

Только 25-м Кагульским полком НКВД за период боевых действий по обороне государственной границы на реке Прут было уничтожено 3047 и захвачено в плен 75 солдат и офицеров противника.

Кагул, расположенный на юго-западе Молдавии – у впадения Прута в Дунай, был оставлен в конце второй декады июля; расположенный в 55 км восточнее Болграда, что на юго-западе Одесской области Украины, – к концу 20 июля. Это регион мог бы стать плацдармом стратегического удара по Румынии с участием Дунайской военной флотилии и Черноморского ВМФ. Но этого, повторим, не случилось... Между тем еще 22 июня Политбюро ЦК ВКП(б) постановило создать Южный фронт. Формирование его управления поручалось штабу Московского военного округа и теперь уже командующему войсками этого округа генералу армии И.В. Тюленеву. На него же возлагалось командование новым фронтом. 24 июня управление нового фронта прибыло в Винницу, где по указанию Ставки развернуло свой командный пункт. Однако его размещение в этом районе – в полосе Юго-Западного фронта – затрудняло связь с войсками Южного фронта, куда более отдаленного от Винницы, чем Юго-Западный. На этот фактор не единожды обращали внимание Тюленев, Абрамов, Никольский, предлагая разместить командный пункт в Кишиневе, Тирасполе или Белгороде-Днестровском. Но их апелляции были отвергнуты Ставкой и Генштабом. Как вспоминал И.В. Тюленев, о существовании упомянутого пункта в Виннице его «заблаговременно не поставили в известность ни в Генштабе, ни в штабе Киевского военного округа». А узнал о нем Иван Владимирович от штаба инженерных войск фронта. Причем надежных средств связи здесь с войсками Южного фронта, Дунайской военной флотилии и погранвойсками, по данным Тюленева, не оказалось (см., например: <http://www.rkka.ru/oper/yuzhfr/main.htm>). Спрашивается – почему была выбрана Винница и почему там не оказалось должных средств связи с Южным фронтом?

Тем временем, советские дунайские порты до третьей декады июля фашистам захватить не удалось. А ранним утром 26 июня Дунайская военная флотилия начала операцию по захвату

румынского дунайского порта Старая Килия. И уже к 8 ч. 28 мин. местного времени Старая Килия была взята. 720 вражеских солдат и офицеров сдались в плен, до 200 было убито, остальные в панике разбежались и их обстреливала советская военная авиация. Причем к исходу того же дня, в развитие этого успеха, были заняты соседние румынские районы – Пардина и остров Татару.

Одновременно на 21-й дальнебомбардировочный авиаполк И.В. Тюленевым была возложена задача нанести сильные удары по военно-промышленным центрам Румынии, особенно по ее нефтеносным районам, что севернее Бухареста. Особое внимание уделялось бомбардировке Плоешти (главного нефтедобывающего и нефтеперерабатывающего района Румынии) и румынского нефтяного порта Джурджу на Нижнем Дунае. На рассвете 26 июня 1941 г. – то есть одновременно с упомянутой операцией в дельте Дуная – 17 экипажей этого полка пересекли Черное море и разошлись у берегов Румынии группами на Бухарест, Констанцу и Плоешти. Экипажи старались незамеченными проникнуть к цели, зашли со стороны солнца и на приглушенных моторах снизились до 3000 метров. Серия бомб угодила в цели. Вскоре самолеты сбросили на те же цели вторую серию бомб. Удачно действовали в том налете два звена того же полка по нефтеносным районам Плоешти, а еще два звена в порту Констанца подожгли нефтяной склад. Ущерб был нанесен и нефтепорту Джурджу. Столь же успешными были налеты на тот же регион, а также на Джурджу и румынские порты в дельте Дуная 23 июня и 13 июля, причем эти налеты сопровождалась обстрелами тех же портов и объектов Черноморским ВМФ СССР (см., например: Бочкарев П.П., Парыгин Н.И. Годы в огненном небе: авиация дальнего действия в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1991). Но неоднократные предложения штаба этой флотилии и командования Южного фронта развивать наступление, вместе с другими сухопутными частями и Черноморским ВМФ, на Констанцу, Плоешти и Бухарест были отвергнуты Ставкой и Генштабом...

Как свидетельствуют архивные документы, фашистский диктатор Румынии Йон Антонеску показывал на допросе осенью 1945 г., что Румыния летом 1941 г. ожидала наступления советских войск по дунайско-черноморскому направлению. И если бы это наступление произошло, румынско-немецкие войска в тот период вряд ли смогли бы удержать не только Бухарест, Констанцу, Плоешти, Джурджу, но и румынско-болгарскую границу. Но, по словам Антонеску, «по какой-то случайности это советское наступление не состоялось. Наоборот, по всему Южному фронту СССР выбрал оборонительную тактику...». То же отмечали представители румынского Генштаба в 1941–1942 гг.

Примечательно также, что румынские антифашистские партизаны в июле – августе 1941 г. активизировали свои действия именно в тех же районах Румынии, то есть в ожидании советского наступления (см., например: «Румынская народная республика», Бухарест (рус. яз.), 1956; Георгиу-Деж Г. В борьбе против фашизма. Бухарест – Москва, 1955; «Дунай – вчера, сегодня, завтра». Бухарест (рус. яз.), 1960; «Англия и СССР на Балканах: 1939–1945». Белград (рус. яз.), 1961).

Более того, при таком развитии событий Болгария вполне могла стать союзником СССР – по крайней мере, политическим. Во всяком случае, Болгария не только отказывалась направить свои войска на германско-советский фронт, но и сохраняла дипломатические отношения с СССР и его союзниками в военные годы. А в ответ на срочную просьбу румынского Генштаба в конце июня – усилить болгарские войска на Черноморском побережье Болгарии и срочно подготовить план совместных операций в дунайско-черноморском регионе Болгарии и Румынии в случае советского наступления, болгарское министерство обороны ответило фактическим отказом. Поскольку «Болгария не располагает возможностями для реализации военных мероприятий, предложенных румынской стороной...».

При таком раскладе советским войскам де-факто открывался путь к болгарским портам – черноморским (Варна и Бургас) и дунайским, что позволило бы и с юга, то есть из Болгарского

дунайско-черноморского региона, ударить по германско-румынским войскам. Что, в свою очередь, вполне могло бы вывести Румынию из войны.

Причем в Софии, похоже, ожидали ситуации, в которой Болгария могла бы если не стать союзником СССР, то выйти из германского блока.

Как отмечает П.А. Судоплатов («Спецоперации. Лубянка и Кремль, 1930—1950-е годы». М.: «ЛитРес», 2009), посол Болгарии в Москве в военные годы Иван Стаменов «симпатизировал Советскому Союзу». Он, по данным Судоплатова, «был убежден в необходимости прочного союза между Болгарией и СССР, рассматривая этот союз как единственную гарантию защиты болгарских интересов на Балканах и в Европе в целом».

Болгарский МИД, естественно, не мог не знать о такой позиции Стаменова, и, скорее всего, болгарские власти его намеренно сохраняли на этом посту в годы войны. А почва для советско-болгарского альянса была создана еще осенью 1940 г., когда именно под давлением СССР Румыния вернула Болгарии в сентябре 1940 г. почти всю Добруджу – нынешний северо-восток Болгарии, отторгнутую у нее Бухарестом в 1919 г. Этот фактор не мог не влиять на позицию Болгарии в отношении СССР и Румынии в годы войны.

О том, что болгарские войска не стали бы воевать с войсками СССР, говорил и Георгий Димитров. Что, собственно, и произошло 7 сентября 1944 г., когда советские войска вышли к границам Болгарии и высадили десанты в ее портах. Уже 8 сентября Болгария капитулировала перед всеми странами антифашистской коалиции!

Но все эти возможности и в Болгарии были упущены летом 1941 г.

Иранский мост Победы

В результате тех событий Иран стал военным, политическим и экономическим союзником СССР и всей антифашистской коалиции. Это, в свою очередь, не позволило Турции вступить в войну с СССР на стороне Германии и дало возможность Советскому Союзу создать единственно безопасный коридор для союзнических поставок. В целом по «Трансперсидскому коридору» в СССР было доставлено около трети всех грузов в рамках программы ленд-лиза.

25 августа 1941 г. в соответствии с 5-й и 6-й статьями бессрочного советско-иранского договора «О дружественных отношениях» от 26 февраля 1921 г., предусматривающими сотрудничество в военной сфере в случае угрозы безопасности одной из стран-подписантов, советские войска были введены в Северный, Северо-Западный и Северо-Восточный Иран. А также в его столицу – Тегеран. 31 августа операция была завершена. Советские войска разместились почти на всем протяжении ирано-турецкой границы.

Операция осуществлялась в рамках плана «Согласие» – о совместном вводе в Иран войск СССР и Великобритании, в том числе для защиты его транспортных артерий и нефтегазовых месторождений: Иран уже к тому времени занимал одно из первых мест в мире по добыче нефти и газа. Свою часть операции на юге и юго-западе Ирана, начатую 27 августа, британцы завершили к 1 сентября. Тем самым были пресечены замыслы Германии по использованию иранской территории для нанесения ударов по СССР и Великобритании.

Советской частью операции «Согласие» руководили командующий Закавказским фронтом генерал-лейтенант Д.Т. Козлов, начальник штаба фронта генерал-майор Ф.И. Толбухин и командующий Каспийской военной флотилией контр-адмирал Ф.С. Седельников. На первых порах, 25–27 августа, иранские войска пытались оказывать некоторое сопротивление частям Красной армии, так как тогдашнее прогерманское руководство Ирана во главе с шахиншахом Реза отказалось ввести в действие упомянутые статьи советско-иранского договора. С советской стороны погибло и пропало без вести 60 солдат и офицеров, около 1000 было ранено, сбито 3 бомбардировщика. Погибли и пропали без вести около 800 иранских солдат и офицеров, до 7000 попало в плен, потоплены 2 канонерские лодки. Бои были кратковременные, в основном вблизи ирано-советской границы. Иранские военнопленные в сентябре – ноябре 1941 г. были освобождены и переданы Ирану (см., например: «СССР и Иран в годы войны». Баку, 1946).

Но до этого, в июне – августе существовала реальная угроза превращения Ирана в прогерманский плацдарм. С иранской территории резко участились не только «случайные» обстрелы территории СССР, но и нарушения ирано-советской границы, осуществлялись переброски в Закавказье и Среднюю Азию диверсантов и националистических агентов, в том числе германских и турецких. Вдобавок ко всему, осенью 1940 г. с помощью Германии началась реализация программы перевооружения всех родов иранских войск. А в более отдаленной перспективе не исключалось совместное вторжение войск Турции и Ирана в Среднюю Азию и Закавказье. Например, с весны 1941 г. начались регулярные консультации Генштабов Ирана и Турции с участием германских и итальянских военных советников.

Как отмечено в мемуарах генерала армии С.М. Штеменко («Генеральный штаб в годы войны». М.: Воениздат, 1969), «...В 1941–1943 годах никто не мог поручиться, что Турция не вступит на стороне Германии в войну с СССР. В том числе, путем вторжения в Западный Иран, где были советские войска. На границе с советским Закавказьем сосредоточились до 28 турецких дивизий, оснащенных в основном германским оружием.

Когда в 1942 г. стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый вопрос: не поддержат ли их турецкие сторонники.

Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. Если вторжение Турции пойдет через Иран на Баку, на ирано-турецкой границе стоял советский кавалерийский корпус, усиленный стрелковой дивизией и танковой бригадой...».

По данным бывшего предсовнаркома Армянской ССР Арама Пирузяна («Размышления о пройденном пути». Ереван: Айастан, 1988), «...3 июля 1941 г. в Москву срочно вызвали руководителей закавказских компартий – Г. Арутюнова, М.-Д. Багирова и К. Чарквиани. В беседе с ними Сталин подчеркнул, что “...Закавказье может со дня на день стать ареной боев, и главная задача агрессоров здесь – блокировать или захватить транзитный путь Иран – Азербайджан – Армения – Грузия. И одновременно захватить или парализовать нефтепромышленность Азербайджана... Имеются данные, что в Турцию и Иран быстро растут поставки германского оружия, там активно работают германские советники и агенты. Турция пропускает германские и итальянские подводные лодки через Босфор в Черное море. Наблюдается концентрация турецких войск на границе с СССР, то же ожидается на наших границах с Ираном... Считаю, что Баку и Нахичеванский край надо удержать любой ценой...”».

Было решено оперативно организовать базу приема военных грузов от союзников в советской пограничной Джульфе (Нахичеванская АССР, Азербайджан). Работа велась слаженно в любое время, и даже в 1942 г., когда почти весь Северный Кавказ был оккупирован, а Закавказье оказалось в сухопутном отношении отрезанным от страны.

Союзные грузы прибывали в Персидский залив. Сборка грузовиков производилась в иранских Хорремшехре, Бендершахпуре, Андимеште и в иракской Басре. Затем эти грузовые машины загружались боеприпасами, продовольствием, горюче-смазочными материалами, запчастями, другими товарами и отправлялись в СССР через Тегеран – Тебриз – иранскую Джульфу. А оттуда автоколонны шли через реку Аракс в советскую Джульфу.

Грузы в СССР направлялись также вдоль иранского побережья Каспия в Астарту, Ленкорань (Азербайджанская ССР), Гасан-Кули, Челекен и Красноводск (Туркменская ССР). Поставки через Иран осуществлялись и по параллельному железнодорожному маршруту Хорремшехр – Тегеран – Тебриз – Джульфа. В частности, 60 % от общего числа автомобилей из США, Канады и Великобритании прошли именно по «Трансперсидскому коридору».

Таким образом, с осени 1941 г. Иран, который с завершением операции «Согласие» возглавил шахиншах Мохаммед Реза Пехлеви, фактически стал одним из главных транзитных «мостов» между СССР и его западными союзниками. Вдобавок, через Иран (и частично через Ирак) СССР торговал с Ираком, Швецией, ЮАР, Египтом, Либерией, Йеменом, странами Латинской Америки. Причем с осени 1943 г. объемы этих «трансиранских» взаимопоставок наращивались.

Важнейшую роль для укрепления всего региона и, в частности, для воздействия на политику Турции сыграл также советско-британско-иранский договор «О союзе» от 29 января 1942 г. По его условиям, Москва и Лондон обязались уважать территориальную целостность, суверенитет, политическую независимость Ирана и «...защищать Иран всеми имеющимися в их распоряжении средствами против всякой агрессии со стороны Германии или любой другой державы». Для выполнения этих масштабных задач союзным государствам предоставлялось право содержать на иранской территории сухопутные, морские, воздушные силы «в таком количестве, в каком они считают необходимым». Сроки эвакуации военных сил были определены на специальных переговорах. СССР, как и намечалось, вывел свои войска из Ирана к весне 1947 г., британцы же, в большинстве своем, оставались там до 1949 г. и даже 1950 г.

17 января 1943 г. войну Германии и ее союзникам объявил Ирак. Иран – несколько позднее, 9 сентября 1943 г., – накануне Тегеранской конференции с участием И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля (ноябрь 1943 г.). Соответственно, на ирано-турецкой границе появилась крупная группировка иранских войск, оснащенная в основном советским и британским оружием. Эти обстоятельства еще больше укрепили позиции антифашистской коалиции, осо-

бенно СССР, в каспийско-закавказском регионе и в целом на Ближнем Востоке. Турецкие СМИ в тот период с сожалением отмечали, что решение Тегерана объявить войну германскому блоку требует пересмотра политики Анкары в отношении СССР.

Не менее важно и то, что в сентябре 1941-го – декабре 1943 г. в Иране была уничтожена, при решающей роли советской разведки, германская и турецкая агентура. Согласно документам, в ходе пребывания в Тегеране (27 ноября – 3 декабря 1943 г.) Сталин принял резидента военной разведки СССР полковника Б.Г. Разина. Вот что «Жорес» (Разин), согласно архивным документам, доложил об этой беседе в Центр 2 декабря 1943 г.: «2 декабря в 10.00 по тегеранскому времени я был принят Маршалом Советского Союза тов. Сталиным.

Тов. Сталин подробно интересовался общим состоянием иранской армии, рассказал о посещении им Шахиншаха и о мероприятиях по организации в Иране танковой и авиационной школ с нашей материальной частью и инструкторами.

Мною было доложено о состоянии иранской армии и иранском генералитете, какое количество генералов имеет русскую школу, а также о влиянии англичан на руководство иранской армии.

Тов. Сталин внимательно все выслушал и дал такие указания: “Шах и его ближайшие помощники запуганы английским влиянием, но придерживаются нашей ориентации; что нужно поддерживать, поощрять их намерения и подтверждать их нашей работой...”. Тов. Сталин предполагает дать иранцам около 20 военных самолетов и столько же танков, что нам нужно подбирать иранские кадры, которые бы мы готовили сами. Когда же я выходил из кабинета, Маршал вернул меня и отчеканил: “Внимательно смотрите за обстановкой и помогайте иранцам...”».

Тем временем, в беседе со Сталиным и Молотовым в Тегеране 1 декабря 1943 г. шахиншах выразил глубокую благодарность за помощь и поддержку, которые оказывает СССР Ирану, в том числе, для более надежной защиты от Германии и ее сателлитов. По словам шахиншаха, его «искренне поражают незыблемость, экономическая мощь советского тыла, сплоченность всех советских народов вокруг руководства государства». По мнению шахиншаха, «эти факторы позволяют понять роль приграничных с Ираном республик СССР в оборонной экономике СССР и в надежной работе “моста победы” – трансиранского коридора союзнических поставок в СССР...». Кроме того, Мохаммед Реза отметил, что советско-британско-иранский договор и схожие факторы сотрудничества «существенно повысили международный авторитет Ирана».

Что касается иранского населения, то оно искренне приветствовало советско-иранский союз и оказывало посильную помощь СССР. По воспоминаниям А.З. Розенфельд, в 1943–1945 гг. референта-переводчицы отдела прессы Посольства СССР в Иране, «...в иранской прессе военных лет Иран называли “Пол-е пирузи” – “Мост победы”... Во время войны патриотически настроенные эмигранты из СССР и местные жители, в том числе азербайджанцы и армяне, приносили в советское посольство различные, иногда довольно значительные, суммы денег. Были созданы добровольные фонды для борьбы с немецким фашизмом, а также помощи Красной армии. “Из Ирана в фонд Красной армии только на создание танковой колонны поступило 966 398 риалов” (см.: “Правда”. М., 21.11.1974 г.). Был организован сбор теплых вещей для советских детей и для красноармейцев. В годы войны появились первые легальные переводы советских писателей на фарси. Рахматуллахи в предисловии к своему переводу рассказа Максима Горького “Сторож” отметил: “...мы получали докторов литературы, но не имели никаких сведений о жизни, культуре и литературе соседнего народа. Удивительно то, что недавно в России широко отметили юбилей выдающегося азербайджанского писателя и философа Низами Гянджеви (в 1941 г. – А.Ч.), а у нас только в газетах упомянули об этом событии”.

Вскоре после ввода советских войск в Иране начались гастроли советских художественных коллективов. Например, дважды, в 1941 и 1944 гг., там гастролеровали Бакинский госу-

дарственный театр оперы и балеты и Азербайджанская филармония. Концерты советских артистов всегда шли с аншлагом.

С большим успехом проходили также концерты Таджикистанского театра оперы и балета и Таджикистанской филармонии, включая ее ансамбль народных инструментов. Причем в их репертуаре были русские, персидские, азербайджанские, армянские народные песни и танцы. Всего в Иране артисты Таджикской ССР дали 78 концертов.

В военные годы в Иране выступали с сольными концертами выдающиеся советские артисты, в том числе, Бюль-Бюль Мамедов (отец посла Азербайджана в России музыканта Полада Бюль-Бюль-оглы. – А. Ч.) и Рашид Бейбутов из Азербайджана. А среди советских художественных фильмов, с постоянным успехом демонстрировавшихся в Тегеране, был, к примеру, и “Аршин мал алан”. Все советские коллективы и артисты приезжали в Иран в основном через Азербайджанскую ССР...».

И еще важная деталь из того иранского прошлого. Наряду с советскими военными специалистами в годы войны на территории Ирана, прежде всего на иранском севере, работали и советские геологи. По итогам проведенной разведки, осенью 1943-го они доложили в Москву о перспективности нефтяных месторождений в североиранских Горгане, Мазандаране и Гиляне, которые стыковались с нефтяными «полосами» Азербайджанской и Туркменской ССР.

При этом советские геологи отмечали, что промышленная разработка североиранских нефтяных запасов потребует больших капиталовложений. Отметим, что ныне эти ресурсы осваиваются в Иране на основе именно тех советских исследований.

Словом, тщательно продуманная и досконально выверенная военно-политическая и экономическая стратегия СССР в Иране позволила существенно укрепить позиции СССР на Ближнем Востоке в годы Великой Отечественной. Что сыграло весьма заметную роль в разгроме фашизма и в нейтрализации прогерманской в 1941–1944 гг. Турции. Кстати говоря, именно благодаря тем событиям 70-летней давности Иран оказался среди стран-победительниц и, соответственно, соучредителей ООН. И очень жаль, что столь яркая страница взаимоотношений с весьма влиятельной в мире страной неоправданно забыта нынешней Россией...

«Антанта» с турецкими армянами и курдами

В годы Великой Отечественной войны важную роль в том, что Турция воздержалась от военного нападения на СССР, сыграла советская политика более тесного взаимодействия с повстанческими движениями курдов и армян в Турции.

Еще в августе 1941 г. по указанию Сталина были расширены контакты с подпольными армянскими организациями на турецкой территории – ASALA («Тайная армянская армия») и «Дашнакцютун», а также с освободительными организациями турецких курдов. Одновременно участились повстанческие и другие действия упомянутых организаций армян и курдов вблизи Советского Закавказья – в Восточной и Юго-Восточной Турции. Эти операции затрудняли перемещение турецких войск и пантюкистских группировок к границе с СССР. Кроме того, те же курдские и армянские организации в течение всей войны передавали советской стороне важные разведывательные данные. Благодаря которым, к примеру, были предотвращены крупные теракты и другие диверсии в 1942 и 1944 гг. в Нахичеванской, Аджарской АССР и в Армянской ССР – в том числе в порту Батуми, на железных дорогах Батуми – Тбилиси, Ереван – Нахичевань – пограничная с Ираном Джульфа (подробнее см., например: «Пограничные войска СССР: 1945–1955». М.: Воениздат, 1976).

Турецкие источники того периода сообщали, что курдские и армянские организации готовы действовать в Турции более активно, а это может ухудшить ситуацию в тылу турецких войск. Если они перейдут турецко-советскую границу.

Соответствующей была советская официальная политика в отношении прогерманской в тот период Турции.

В одном аналитическом исследовании этой темы отмечается: «...Разведотдел Закавказского военного округа еще в апреле 1941 г. сообщал в Москву, что, несмотря на официальные заверения в дружбе в своих газетах, Турция на самом деле активно готовится к войне с СССР. В ее восточных землях пропагандисты предупреждают население о скором нападении Советского Союза на Турцию; ускоренными темпами строятся укрепления, проводится мобилизация офицеров запаса, в Эрзурум и в Восточную Анатолию в целом подтягиваются турецкие войска и вооружение, в основном германское и итальянское.

Но, как отмечает историк Александр Горянин, «Сталин планировал вторгнуться в Турцию весной 1945 г. с двух сторон: из Закавказья с возможным использованием территории Западного Ирана и через Болгарию, как только позволит военная обстановка в Восточной Европе и на Балканах. Вскоре СССР предъявил Турции претензии, в частности, на Тао-Кларджетию – грузинский Лазистан и на Карсскую область, входившую в состав России. Но было уже поздно: такие операции были реальны до конца 1944 г. «В самом деле: теперь Турция имела западных союзников» (см. <http://mirovie-voini.ru/osvoboditeli>).

19 марта 1945 г. правительство СССР в одностороннем порядке денонсировало советско-турецкий договор о нейтралитете (1925 г.). И спустя ровно месяц, 19 апреля 1945 г., И.В. Сталин принял первого заместителя Католикоса всех армян, архиепископа Геворга Чеорекчяна. С одной стороны, это было связано с предстоящими выборами католикоса, а с другой стороны, более стратегической, – было вызвано стремлением придать практический импульс давним территориальным требованиям армянского народа к Турции. Все просьбы Чеорекчяна были удовлетворены. И уже в конце апреля того же года Всеармянский национальный совет вручил странам – участницам конференции в Сан-Франциско, учредившей ООН, меморандум «Дело армянского народа», где указывалось, что «...справедливое решение территориального вопроса между Турцией и Армянской ССР позволит армянским диаспорам вернуться в родные края» (см. Центральный государственный архив документов общественно-политических организаций Республики Армения, ф. 1, оп. 034, д. 28, л. 45–53).

Затем 7 июня 1945 г. народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов пригласил на беседу турецкого посла С. Сарпера и уже в начале беседы выдвинул перед ним ряд требований: уступить Советскому Союзу территории бывшей Российской империи в Восточной Турции; разрешить строительство военной базы вблизи Босфора; организовать совместный советско-турецкий контроль над проливами Босфор и Дарданеллы. Молотов при этом разъяснил, что «у нас имеется Московский договор 1921 года («О дружбе и братстве». – А. Ч.), который был заключен в других, совершенно отличающихся от нынешних условиях. Господин Посол знает, что по этому документу мы были существенно ущемлены в территориальном вопросе». После чего Молотов напрямую спросил Сарпера: «Готова ли Турция рассмотреть эти вопросы, очень важные для улучшения отношений с Советским Союзом?» При этом Молотов подтвердил, что «речь идет об исправлении восточной границы Турции».

С. Сарпер ответил, что в Турции этот вопрос еще не обсуждался и «неожиданно, что для заключения нового договора Советский Союз выдвинет подобные условия. СССР, по-моему, не нуждается в территории и в нескольких тысячах жителей». Молотов парировал это заявление: «если в повестке вопрос о новом советско-турецком договоре о дружбе, то следует рассматривать советско-турецкие отношения в широкой перспективе и все взаимные претензии решать на широкой основе. Скажем, в 1921 г. Польша поступила несправедливо в территориальном отношении к России (Рижский мирный договор между Польшей и РСФСР 1921 г. – А. Ч.), а нынешнее польское правительство эту ошибку исправило... Если территориальная сторона вопроса, которая была в советско-турецком договоре 1921 г. решена в ущерб Советскому Союзу, в том числе Армении и Грузии, нашла бы свое решение, то этот момент имел бы большое значение в укреплении дружественных отношений на долгие годы между СССР и Турцией». Но С. Сарпер с такими доводами не согласился и отметил, что, если начнется обсуждение договора 1921 г., то «можно найти многое такое, что ущемило интересы Турции».

Более того: турецкий посол попросил Молотова впредь не поднимать территориальные вопросы, ибо «вопросы эти не столь важны ни для СССР, ни для Армении и ни для Грузии» (см. Архивы внешней политики РФ и Республики Армения).

18 июня 1945 г. в ходе новой беседы между ними советская сторона подтвердила упомянутые требования. Одновременно активизировались курдские повстанцы на востоке Турции, причем они стали чаще взаимодействовать с армянскими подпольными организациями практически по всей Турции. Вдобавок, в Восточной Турции появилось множество «повстанческих» карт с территориями, отторгнутыми у Армении и Грузии в 1920–1921 гг. (см., например: Саркисян Е.К. Экспансионистская политика Османской империи в Закавказье. Накануне и в годы Первой мировой войны. Ереван: АН Арм. ССР, 1962). А на этих картах были обозначены районы курдского компактного проживания, которые, в случае возвращения их Грузии и Армении, получают автономию – в рамках автономной области или автономного округа в составе Армянской ССР.

6 июля 1945 г. ЦК компартии и Совнарком Армении обратились с совместным письмом к Сталину и Молотову, в котором исторически обосновывало территориальные претензии к Турции. Заметим, что схожие обращения к руководству СССР осенью 1944 и весной 1945 гг. были направлены от упомянутых армянских организаций. При этом один из аргументов – растущее стремление зарубежных армян вернуться на родину, поэтому есть необходимость увеличить территорию Армянской ССР. Это письмо было поддержано высшим руководством СССР.

Тем временем, СССР увеличивал прессинг Анкары. На встрече с турецким послом 18 августа Молотов не только определил размер требуемых территорий (почти 26 тыс. кв. км), но и официально объявил, что они войдут в состав Армянской (около 22 тыс. кв. км) и Грузинской ССР. Эта акция должна была нарастить территорию Армянской ССР почти на 80 %, а территорию Грузинской ССР – на 8 %.

Претензии СССР к Турции вызвали неудовольствие его союзников, в первую очередь со стороны британского министра иностранных дел А. Идена. А на Потсдамской конференции Трумэн, Черчилль и Иден «коллективно» не поддержали упомянутых требований СССР. Хотя Сталин и Молотов заявили на этой конференции, что в период слабости РСФСР турецкая сторона смогла навязать отторжение части территорий нынешних Армянской и Грузинской ССР. А в военные годы Турция проводила явно прогерманскую политику, и была реальная угроза захвата – с новых территорий Турции – турецкими войсками Батуми, Ахалцихе, Ленинакана, Еревана, Нахичевани (с последним тезисом согласились на той конференции британская и американская стороны).

Но в Потсдаме американская делегация получила такие данные из Турции и Закавказья: в Грузии, Армении и в ирано-турецком приграничье наблюдаются увеличивающаяся концентрация соединений Красной армии и их выдвижение к турецкой границе с СССР. А на промышленных объектах, предприятиях транспорта и связи в городах в восточной части Турции отмечена повышенная диверсионная активность армянских и курдских партизан.

Между тем в августе 1945 г. советские специальные органы получили подготовленный «Дашнакцотуном» «Путеводитель для наших пропагандистов», который стал важным источником изучения текущих и перспективных интересов армянского национального движения. Причем в этой брошюре указывалось, что «...в антитурецкой борьбе курдский фактор имеет особое значение. Рассматривая курдов в качестве наших союзников, нужно всячески способствовать усилению их движения, ни в коем случае не допускать антикурдских выпадов и попадания в прессу фактов армяно-курдского сотрудничества» (см., например: «Путеводитель для наших пропагандистов», август, 1945 г. – Архив Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики, д. 862, ч. IV, л. 1–7).

По требованию НКВД СССР, к середине августа руководство Армении подготовило свои территориальные требования к Турции и в форме расширенного доклада представила этот документ Молотову. То же было сделано руководством Грузинской ССР. На основании этих и других материалов 18 августа НКВД СССР составил доклад «К советско-турецким отношениям», одобренный Сталиным.

В данном документе отмечалось, в частности, что «...другим нерешенным вопросом советско-турецких отношений, настоятельно требующим своего урегулирования, является вопрос о землях Армении, отторгнутых Турцией после Первой мировой войны». Затем подробно описываются и разъясняются события 1918–1919 гг. в Закавказье, включая захват турецкими войсками Баку при попустительстве со стороны британских войск в Каспийском регионе и невозвращение захваченных территорий после денонсации в ноябре 1918-го Брестского мирного договора (в связи с капитуляцией Германии и ее союзников перед Антантой).

Отмечено также, что на «...фоне упомянутых обстоятельств 16 марта 1921 г. Советская Россия и Турция заключили договор, в котором, пользуясь тяжелым экономическим и международным положением России, Турция добилась решения данного территориального вопроса в свою пользу. Она отторгла от России Сурмалинский уезд Эриваньской губернии, южную часть Батумского округа (Тао-Кларджетия – Грузинский Лазистан. – А. Ч.) и Карсскую область. Большинство этих земель – издревле армянские земли».

СССР стал стягивать крупные воинские соединения к советско-турецкой границе, более частыми стали маневры Черноморского ВМФ СССР в Батумском и Крымском регионах. Одновременно активизировались антитурецкие акции армянских и курдских групп в Турции, особенно в ее приграничных с СССР регионах.

А в середине октября 1945 г. Католикос всех армян Геворг VI обратился к главам СССР, США, Великобритании, Канады, Австралии и Франции с просьбой «...способствовать возвращению Советской Армении земель, насильственно отторгнутых Турцией в начале 1920-х годов». Ответов, однако, не последовало. Но правительства Армянской и Грузинской ССР в

своих заявлениях осенью того же года напрямую потребовали отменить Московский и уточняющий его Карсский договоры между РСФСР и Турцией 1921 г.

Заметим, что даже в течение всего советского периода Армения, то есть Армянская ССР, не признавала новую сухопутную советско-турецкую границу, что означало непризнание Ереваном и той части этой границы, которая находилась на территории Грузинской ССР. Такая позиция, естественно, политически сближала Армянскую ССР и СССР в целом с зарубежными армянскими организациями.

Наконец, 2 декабря 1945 г. было опубликовано постановление Совнаркома СССР о репатриации зарубежных армян в Армянскую ССР. Долгие годы работавший в руководящих органах ЦК КПСС К. Брутенц в своих мемуарах «Тридцать лет на Старой площади» отмечает: «... Сталин, имевший планы “наказать” Турцию за ее явно благосклонное отношение – если не сотрудничество – к фашистской Германии в первые годы ее войны против СССР, очевидно, намеревался исправить учиненную несправедливость. В будущем освобожденные от Турции территории, где намечалось создать два обкома партии, в 1945-м были уже назначены первые секретари. Например, первым секретарем Карсского обкома (на части его территории планировался курдский автономный район. – А. Ч.) был утвержден секретарь ЦК КП Армении Т. Кочинян, а Тао-Кларджетского (южнее Батуми. – А. Ч.) – давний соратник Сталина Миха Цхакая» (Брутенц К.Н. Тридцать лет на Старой площади. М., 1998). Сурмалинский же уезд намечалось включить в качестве обычного района в состав Армянской ССР.

Стоит напомнить, что сразу после Крымской конференции, состоявшейся 2–9 февраля 1945 г. в Ялте, Сталин дал указание членам Политбюро Анастасу Микояну и Георгию Маленкову разработать и представить на обсуждение предложения по послевоенному переустройству Турции. Это было сделано уже к июню 1945 г. Тем временем армянами полностью укомплектовали штаты райкомов и горкомов партии, которым предстояло на первом этапе составить основу административной власти в освобожденных Красной армией восточно-турецких территориях.

В том же плане особое значение отводилось также взятию Стамбула и возвращению ему исторического названия – Константинополь. Как и установлению контроля над судоходством в проливах Босфор и Дарданеллы. В том числе с помощью советской военной базы в этом регионе. Планировалось также почти все восточно-турецкие районы, остающиеся в составе Турции, объявить курдским автономным районом.

Маршал Иван Баграмян как-то заметил: «Когда появился шанс восстановления в армянском вопросе исторической справедливости, западные державы, потрясая “ядерной дубинкой”, взяли под свое покровительство Турцию. Не будь этого, проблема Западной Армении была бы решена в считанные дни».

Правительства США, Великобритании и британских доминионов осенью 1945-го дали Турции гарантии ее безопасности и территориальной целостности. Весной 1946-го к этим гарантиям присоединилась Франция. А 5 апреля 1946 г. в Стамбул впервые прибыл американский линкор «Миссури» в сопровождении эскорта 4 эсминцев...

После этого все планы воссоединить с СССР потерянные в пользу Турции территории Российской империи так и остались планами. Хотя вплоть до весны 1953 г. советская пропаганда то и дело напоминала о закавказских последствиях слабости Советской России в начале 1920-х гг., как и о необходимости восстановить законную советско-турецкую сухопутную границу. Одновременно с начала 1950-х сокращалась помощь со стороны СССР курдским и армянским организациям, действующим в Турции.

Между тем в 1940-х и 1950-х гг. руководители курдских партизан направляли великим державам меморандумы и послания, в которых просили содействовать в решении курдского национального вопроса. Так, эти документы были направлены 30 августа 1943 г., 30 марта 1945 г., 31 марта 1945 г., 21 июля 1945 г., 10 сентября 1945 г. Но эти просьбы, что называется,

были безответными, ибо великие державы так и не определились с согласованной политикой в отношении Турции, Ирака, Ирана.

Небезынтересен в этой связи меморандум партии турецких курдов «Рызгари» («Спасение»), направленный Совету Безопасности ООН в середине сентября 1945 г.: «...достойно сожаления и то, что Англия и США считают турецкое правительство демократическим и разрешают ему занимать место в ООН. Неудивительно поэтому, что не слышны голоса курдов, живущих в Турции, точно также, как и не слышно просьб армян, находящихся в подобных же условиях» (см.: Гасратян М.А. Курды в Турции в новейшее время. Ереван: Айастан, 1990).

Корреспондент «Нью-Йорк пост» Маурер отмечал в этом издании 26 апреля 1946 г.: «В Турции курдов вырезали и ссылали в таких масштабах, что турецкое правительство сейчас может утверждать: в Турции курдского вопроса не существует...». А британский экономист 10.05.1946 г. представил более трагическую картину положения турецких курдов: «Курды – ахиллесова пята турецкого государства. Турецкий Курдистан существует за “железным занавесом”. По окончании кровавых турецких военных экспедиций 1930 и 1937–1938 гг. турецкий министр внутренних дел заявил, что в Турции более не существует курдской проблемы. О курдах в Турции упоминают либо как о горных бандитах или, в лучшем случае, как о горных турках...».

Тем временем, 30 мая 1953 г. министр иностранных дел СССР В.М. Молотов, по распоряжению Хрущева, Жукова (тогдашнего министра обороны СССР) и Маленкова, сделал, без тени смущения, заявление турецкому послу Файку Ходзару: «Как известно, в связи с истечением срока советско-турецкого договора от 1921 г., вопрос об урегулировании советско-турецких отношений затрагивался в официальных беседах представителей обоих государств несколько лет тому назад. В этих беседах фигурировали некоторые территориальные претензии Армянской ССР (хотя Армянская ССР продолжала не признавать сухопутную советско-турецкую границу... – А. Ч.) и Грузинской ССР к Турции, а также соображения Советского правительства относительно устранения возможной угрозы безопасности СССР со стороны Черноморских проливов. Правительственными и общественными кругами Турции это было воспринято болезненно, что не могло, в известной мере, не отразиться на советско-турецких отношениях. Во имя сохранения добрососедских отношений и укрепления мира и безопасности, правительства Армении и Грузии сочли возможным отказаться от своих территориальных претензий к Турции. Что же касается вопроса о проливах, то Советское правительство пересмотрело свое прежнее мнение по этому вопросу и считает возможным обеспечение безопасности СССР со стороны проливов на условиях, одинаково приемлемых как для СССР, так и для Турции» («К советско-турецким отношениям», ТАСС, Москва, 31 мая 1953 г.).

Между тем советские курды, наряду с представителями других народов СССР, доблестно воевали на многих фронтах Великой Отечественной. Сегодня об этом, можно сказать, почти не известно широкой общественности. Между тем «в годы Великой Отечественной войны, когда страна, в которой курдский народ впервые в истории обрел подлинную национальную свободу и счастье, подверглась смертельной опасности, курды проявили себя такими же пламенными советскими патриотами, как и другие братские народы. Все советские воины – курды по национальности, с которыми мне довелось сражаться на фронте, достойно выполняли свой воинский долг» – это мнение Маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна (см.: Чатоев Х.М. Участие курдов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Ереван: АН Армянской ССР, 1970).

В 1941–1942 гг. были сформированы армянские и азербайджанские национальные стрелковые дивизии. Они по своему составу были интернациональны. В их рядах сражались также представители многих народов, среди которых были и курды. Скажем, к маю 1943 г. в рядах 409-й стрелковой дивизии воевали сыны армянского, русского, украинского, белорусского, грузинского, узбекского, казахского, киргизского, таджикского, чувашского, татарского, курд-

ского и других народов. Дивизия приняла активное участие в изгнании немецких оккупантов с территории Украины, после чего в составе войск 3-го Украинского фронта приняла участие в освобождении Бухареста, Софии, Будапешта, Белграда, Вены.

Колхозники курдского села Карвансара Алагезского района Армянской ССР в принятой на митинге 25 июня резолюции отметили: «Мы вместе с нашей героической Красной армией до последней капли крови защитим нашу Родину, которая дала нам свободу и счастье. Мы еще теснее сплотимся вокруг партии Ленина – Сталина для разгрома фашизма!»

Многие курды – воины Красной армии приняли участие в первых боях с врагом. Так, Б.Б. Аннамамедов (из аула Багир Ашхабадского района Туркменской ССР) 9 июля 1941 г. участвовал в боях против немецко-фашистских захватчиков под городом Пирятин Полтавской области Украинской ССР. 13 августа 1941 г. на Бобруйском направлении он был тяжело ранен. За мужество и отвагу, проявленные в боях против немецко-фашистских захватчиков, Б.Б. Аннамамедов награжден орденом Отечественной войны II степени.

В бою в районе Смоленска 21 июля 1941 г. был ранен Х.Ш. Мурадов, ныне известный курдский поэт. С первых дней Великой Отечественной войны в рядах защитников Родины находился Джаво Амарович Мамоян (из с. Памб-Курдский Апаранского района Армянской ССР). 10 августа 1941 г. в бою у села Ушаково Смоленской области он был тяжело ранен.

В конце октября 1941 г. противник сосредоточил крупные силы и двинулся на Тулу, намереваясь с юга выйти на Москву. В составе войск, оборонявших Тулу, была 217-я стрелковая дивизия, в которой служил сын курдского народа майор С.А. Сиабандов (см. «Социалистический угиев», орган Алагезского РК КП(б) Армении и исполкома райсовета депутатов трудящихся, 9 июля 1941 г.).

Только за период с 29 октября по 8 декабря 1941 г. включительно части и подразделения этой дивизии подбили и вывели из строя 80 танков противника. В критические моменты боев С.А. Сиабандов был всегда впереди и мобилизовывал бойцов на борьбу с противником. За проявленное мужество приказом по войскам Западного фронта от 22 января 1942 г. он был удостоен своей первой боевой награды – ордена Боевого Красного Знамени.

Активное участие в обороне Москвы принимал майор медицинской службы курд С.К. Джафаров (из пос. Фирюза Ашхабадского района Туркменской ССР). Несмотря на обморожение и контузию, он с честью выполнял возложенные на него обязанности начальника эвакуационного госпиталя, а затем – начальника главного отделения эвакуационных пунктов города Москвы.

Знаменитый снайпер старший сержант А.С. Шавешян был в рядах войск, которые разгромили крупную немецко-фашистскую группировку и в ночь с 28 по 29 ноября 1941 г. освободили город Ростов-на-Дону. Это была первая крупная победа Красной армии в ходе войны. В бою под Таганрогом Аме Шавешян получил первое ранение. После излечения он участвовал в освобождении Воронежа, где получил второе ранение.

В период обороны Севастополя особое мужество проявил военврач курд Дараб Джабарович Султанов (из с. Айн Зангеланекого района Азербайджанской ССР). А старший сержант Ф.С. Ахмедов (из с. Хейранлу Кубатлинского района Азербайджанской ССР) в марте 1942 г. в 927-м стрелковом полку подготовил 12 снайперов, которые под его руководством в течение 10 дней уничтожили 98 солдат и офицеров противника. При этом сам Ахмедов уничтожил 17 вражеских солдат.

Ефрейтор И.А. Наврозов (из с. Моллабурун Кубатлинского района Азербайджанской ССР) курдской национальности, находясь в действующей армии с начала Великой Отечественной войны, сражался в частях Западного (1941), Калининского (1942), Волховского (1942) и 1-го Прибалтийского фронтов. В 1942 г., будучи снайпером, он за короткое время уничтожил 30 вражеских военных.

Примеры воинской доблести показал и младший сержант Сивик Алиевич Слюян (курд из Армянской ССР). В рядах бойцов 89-й Армянской стрелковой дивизии он участвовал в

освобождении многих городов и населенных пунктов Северного Кавказа. В рядах бойцов этой дивизии отличились также курды Чачо Тамоевич Кочоян (из с. Калакут Талинского района), Карам Калашевич Асадян (из с. Мирак Апаранского района). Последний был бойцом 7-й стрелковой роты 400-го стрелкового полка и лишь за период с 1 сентября по 4 октября 1943 г. уничтожил 27 немецких солдат и офицеров. 5 декабря 1943 г. на подступах к г. Керчь он, рискуя жизнью, вынес с поля боя тяжелораненого лейтенанта Агаси Хачатряна.

Сержант Ахмед Исмаилович Калоян (из с. Карабурун, ныне поселок Каракерт Талинского района Армении) был командиром отделения 8-й стрелковой роты 526-го стрелкового полка. В боях за Севастополь его отделение в районе колхоза «Большевик» смело атаковало немецкую траншею, уничтожило пулеметную точку противника.

Говоря о национальном составе 89-й Армянской Таманской стрелковой дивизии, бывший ее командир генерал-майор запаса Н. Сафарян отмечал: «В составе 89-й Армянской Таманской стрелковой дивизии вместе с воинами-армянами сражались русские, украинцы, белорусы, азербайджанцы, курды и другие воины – сыны братских народов СССР. При выполнении боевых заданий воины-курды показывали примеры мужества и отваги, самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной».

Например, Бакоев Усик Бакоевич – парторг 1-го стрелкового батальона 684-го стрелкового полка 409-й Армянской стрелковой дивизии проявил себя хорошим организатором, смелым и отважным политработником. В рядах этой дивизии до января 1943 г. воевал также курд С.Б. Джафаров – сначала в должности комиссара минометной батареи, затем – секретаря партбюро 964-го артиллерийского полка.

В должности старшего офицера батареи отдельного истребительного противотанкового дивизиона 83-й бригады морской пехоты Ахмед Ибрагимович Шароев участвовал в Новороссийско-Таманской наступательной операции, приведшей к полному завершению освобождения Северного Кавказа от оккупантов.

В рядах защитников Сталинграда были и воины-курды. Примеры мужества показали Джасим Атарович Далоян – лейтенант, командир взвода 127-го кавалерийского полка 30-й Краснознаменной кавалерийской дивизии; Калашян Маджит Алиевич – гвардии старший лейтенант, воевал в составе войск 50-го гвардейского стрелкового полка 15-й гвардейской ордена Ленина и Красного Знамени стрелковой дивизии. В Сталинградской битве 15 января 1943 г. он был тяжело ранен.

Там же сражались Юсуф Алиевич Махмудян – гвардии лейтенант; Джако Шавешович Тамиров – гвардии старший сержант, старший разведчик 1-й батареи 276-го гвардейского Краснознаменного легкоартиллерийского полка 5-й артиллерийской дивизии резерва Главного командования. В этой битве принимал участие и рядовой Михаил Джндиевич Алоян.

Снайпер А.К. Асадов (из с. Махрузлу Кубатлинского района Азербайджанской ССР) уничтожил под стенами Сталинграда 6 солдат и офицеров противника. Он был тяжело ранен в голову.

Активными участниками героической обороны Сталинграда были и другие славные сыны курдского народа – Г.Ш. Шамильзаде, М.М. Ахмедов и другие.

В рядах защитников Ленинграда тоже были представители курдского народа. Это, к примеру, майор медицинской службы И.Ш. Надиров, лейтенант С.Б. Джафаров, старший лейтенант Т.М. Чатоев, старшина Р.М. Авдалян, командир отделения минометной роты Н.Р. Авдоев, младший сержант И.И. Ширинов, ефрейтор Р.М. Кафаров, рядовые из высокогорного села Минкенд Лачинского района Азербайджанской ССР О.Г. Абдуллаев, А.К. Асадов.

24—26 апреля 1944 г. в боях на подступах к Севастополю за колхоз «Большевик» гвардии сержант И.М. Фараджов огнем своего автомата уничтожил фашистского снайпера. А при прорыве вражеской обороны в районе Сапун-гора Фараджов первым ворвался в траншею противника и из автомата уничтожил 8 вражеских солдат. При отражении контратаки немецких

автоматчиков на территории совхоза № 10 Севастопольского района 8 мая 1944 г. огнем своего автомата он уничтожил 13 солдат.

Гвардии сержант А.И. Абушев, участвуя в разведке переднего края обороны противника в районе высоты Сапун-гора на подступах к Севастополю, 26 апреля 1944 г. вместе со своими бойцами показал пример мужества и отваги.

В тяжелых боях за Севастополь в 1944-м также отличились рядовые А.К. Асадов (из с. Махрузлу Кубатлинского района Азербайджанской ССР), С.А. Худоян (из с. Чаткран Котайкского района Армянской ССР).

В 1942 г. колхозы и МТС Талинского и Алагезского районов Армянской ССР, в которых работали в основном местные курды, на 3 дня раньше, чем в 1941 году, выполнили планы по всем видам сельскохозяйственных работ, сверх плана засеяли 400 га зерновыми. Организованно прошла уборка урожая в 1942 г. Колхозы сверх плана сдали государству 1000 пудов зерна. Кроме того, курды-труженики этих районов отправили шефским госпиталям 62 пуда сливочного масла, около 500 пудов мяса, 2500 пудов картофеля и 200 пудов моркови. Для фронтовиков было собрано 7000 пар рукавиц и шерстяных носков, 800 свитеров и иной теплой одежды. А в 1942 г. в фонд обороны было сдано 600 тыс. рублей. Лишь в течение нескольких дней только по Талинскому району было собрано и сдано в фонд танковой колонны «Колхозник Армении» 1 млн 300 тыс. рублей.

А в Октемберянском районе Армянской ССР, в котором первым секретарем был курд Н.Х. Махмудов, трудящиеся, в том числе курды, большую помощь фронту оказывали своими добровольными денежными пожертвованиями. Только за 1943 г. трудящиеся района собрали 3 315 000 рублей на строительство танковой колонны и авиасоединения «Советская Армения» и оказали помощь в восстановлении Сталинграда.

Желая выполнить свой долг перед доблестной Красной армией и обеспечить ее продовольствием, труженики курдских районов Азербайджанской ССР с первых дней Великой Отечественной войны работали с большим напряжением. Колхозники Лачинского района (где в тот период проживало до 75 % курдов Азербайджанской ССР; этот район 1923–1931 гг. был курдским национально-автономным округом Азербайджанской ССР) к 14 июня 1942 г. внесли в фонд обороны страны 3428 кг мяса, 4039 кг зерна, на 121 340 руб. облигаций государственных займов и 142 784 руб. наличными деньгами. И только за 1942 г. они отправили фронтовикам 1027 пар шерстяных носков, 743 пары рукавиц, 2366 кг шерсти и много других теплых вещей.

И в ходе дальнейшей борьбы на фронтах Великой Отечественной войны многие сыны курдского народа проявили образцы подлинного героизма. Их подвиги были отмечены орденами и медалями СССР. Особенно прославился подполковник С.А. Сиабандов, кавалер многих орденов и медалей, Герой Советского Союза. Будучи заместителем командира 755-го стрелкового полка 217-й стрелковой дивизии, он прошел большой боевой путь; с первых месяцев войны и до ее окончания принимал активное участие в боевых действиях и закончил войну в Восточной Пруссии.

Вот один из эпизодов из фронтовой жизни С.А. Сиабандова. 7 сентября 1944 г. в боях на западном берегу реки Нарев в районе деревни Дзбендыз (Польша) противник, после продолжительной и интенсивной артподготовки, при поддержке большого количества танков и самоходной артиллерии предпринял ряд ожесточенных контратак, имея целью отбросить наши части за реку. Создалось угрожающее положение. В критический момент С.А. Сиабандов находился в боевых порядках 2-го стрелкового батальона 755-го стрелкового полка. В его подчинении были подразделения 766-го стрелкового полка, полк самоходной артиллерии и подразделения танкового полка. Он быстро навел порядок в подразделениях и решительной атакой отбил контратаку противника. Было уничтожено до 250 солдат и офицеров, подбито 2 танка

противника. Затем, в решительной рукопашной схватке С.А. Сиабандов лично уничтожил 15 немецких солдат (см. Архив МО СССР, ф. 33, оп. 793756, л. 43, л. 218).

Доблестно сражался и Федор Хатоевич Калуюн из с. Джарджарис Апаранского района Армянской ССР. Командуя взводом, он неоднократно показывал примеры мужества и героизма. К 1944 г. он был трижды ранен. 27 июня 1944 г. в районе деревни Замостье Полоцкого района Витебской области Белорусской ССР противник сильным огнем не давал нашим наступающим частям продвигаться вперед. Лейтенант Ф.Х. Калуюн со своим взводом первым ворвался в дзот противника. В результате, наши передовые подразделения получили возможность быстро овладеть важным рубежом. В рукопашной схватке он погиб. 21 июля 1944 г. он посмертно был награжден орденом Отечественной войны I степени (см. там же, оп. 686044, д. 4477, лл. 97, 163).

На Ленинградском, затем на 3-м Прибалтийском фронтах воевал лейтенант Сала Бакирович Джафаров из с. Курдский Памб Апаранского района Армянской ССР. Являясь парторгом стрелкового батальона, он воспитывал бойцов подразделения в духе беспредельной преданности Родине. Сражаясь в первых рядах, он личным примером увлекал бойцов на подвиги. В бою за деревню Пншево (Эстонская ССР) 5 августа 1944 г. лейтенант Джафаров проявил мужество и героизм. Заменяв выбывшего из строя командира роты, он повел роту в атаку и лично уничтожил 8 гитлеровцев. В результате умелого руководства подразделением поставленная задача была выполнена: немцы оставили Пншево. В этом бою Джафаров пал смертью храбрых. Приказом по войскам Первой ударной армии от 29 августа 1944 г. парторг 1249-го стрелкового полка лейтенант С.Б. Джафаров посмертно награжден орденом Отечественной войны II степени.

Еще пример. Сержант Сайд Агнгович Касоян из с. Карвансара Артнкского района Армянской ССР был наводчиком орудия 578-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады резерва Верховного Главного командования. Четвертый орудийный расчет, наводчиком которого был сержант С.А. Касоян, не раз выходил победителем в единоборстве с танками противника. 9 августа 1944 г. в районе деревни Лукшишки (В 7 км юго-восточнее Велковышки – крупный населенный пункт Литовской ССР), при наступлении танков и пехоты противника, С.А. Касоян подбил тяжелый танк «Тигр» и из автомата уничтожил 7 фашистских солдат. В этом бою он погиб у орудия. Мужество, проявленное сержантом С.А. Касояном в бою, было высоко оценено. Приказом командующего артиллерией 33-й армии от 22 августа 1944 г. герой-артиллерист посмертно был награжден орденом Отечественном войны II степени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.